

Веч. Москва 1973, 12/14

БАЖОВ

Евгений
ПЕРМЯК

В МОСКВЕ

ПОСЛЕ родного Свердловска Павел Петрович Бажов больше чем где-либо бывал в Москве. Приезжал он обычно на сессии Верховного Совета СССР. Но случались приезды, чтобы просто погостить, пожить в городе, который он любил, где были у него близкие родные и множество друзей.

Последний раз Павел Петрович приехал в Москву в конце октября 1950 года на излечение. Его семья жила у нас в доме в Мерзляковском переулке. Это сорокадневное пребывание в Москве оказалось последним в жизни Павла Петровича.

Москва простилась с крупнейшим уральским сказочником, оставившим миру бессмертную книгу «Малахитовая шкатулка». Но в Москве Бажов остался навсегда прописанным улицей, названной его именем.

А теперь строки о том, как Павел Петрович жил в нашей старой маленькой квартире 65 по улице Герцена, 22. У живущих в этой квартире, как вы увидите, будут основания установить внутри нее маленькую мемориальную дощечку о гостившем в ней.

1

ТОГДА еще не кончилась война.

К нам приехал такой дорогой, такой близкий нашей семье гость. Радости не было края. Дети же у нас. А он как дед мороз. Тем более он для них выглядел таким, потому что дочери еще в прошлом году были у него дома на елке в Свердловске.

Центральное старинное паровое отопление грело не каждый день и не круглые сутки. Павлу Петровичу отвели самый теплый и самый изолированный «апартамент». Кухню. Там дровяная плита. Тепло. Уютно.

Кухня как-то сразу ожила и преобразилась с его приездом. Кухонный столик стал письменным столом. Появились знакомые и дорогие нам вещи. «Двухпудовый» портфель Павла Петровича, его пыжиковая шапка-ушанка, его... кашель и даже знакомый аромат трубного дыма.

Курил тогда Павел Петрович табак-самосад. И рассаду сам выращивал, и гряды готовил сам. Сам «вылил», сам «томил», и сам рубил свой табачок.

В чужих семьях Павел Петрович обычно не останавливался. Даже ночевать у товарищей не оставался. По этому поводу он говаривал: «Самостоятельный человек, хоть на бровях, да должен прийти домой».

Но, если он появлялся в чужей семье, его присутствие никогда не было в тягость хозяевам. Он, входя в нее, сразу же брал на себя часть тягот и обязанностей этой семьи. Так было и на этот раз. И на этот раз подробности и мелочи характеризовали Павла Петровича с самой наилучшей стороны.

2

Утром моя жена, Мария Степановна Пермяк, проснулась рано. Нужно было затопить плиту, чтобы Павлу Петровичу было не холодно вставать. Но в кухне ни шороха.

«Значит спит», — подумала она и не захотела входить, боясь разбудить Павла Петровича, вставшего обычно не ранее девяти утра, так как режим его работы был ночным.

Стоя у двери, она ждала признаков пробуждения. И вскоре услышала звяканье посуды. Постучалась. Вошла. Послышался хохот.

Оказывается, тот и другой играли в прятки. Павел Петрович давным-давнешенько встал, оделся, умылся, затопил плиту, сварил картошку, вскипятил самовар, поставил чайную посуду, боясь разбудить жену и дочерей, произвел эти операции с изумительной бесшумностью.

В нашей семье любят рассказывать об этом утре. Здесь же где-то рядом стоят и другие воспоминания. Сказочные.

Моя младшая дочь Ксения, как и все дети, любила сказки. А Павел Петрович знал их уймищу. И не столько знал, сколько выдумывал.

Вечер длинный. Дочурка сидит у него на коленях по часу, а то и больше. За пять таких вечеров и сотней сказок не отделаешься. Вот и приходилось ему придумывать. Это были изумительные сказки. Не сказы, а сказки. Но от них в памяти остались только жалкие обрывки.

Знай бы, как повернется дело, запиши бы хотя их сюжеты —

3

какая-то бы, наверно, осталась памятька о сказках-экспромтах.

Не дорожили мы огнем живущих, не берегли его, да, пожалуй, и сейчас такие поступаем.

Умение быть не в тягость, а в радость людям мне кажется одним из важных достоинств всякого человека. Что может быть радостнее, когда тебе рады.

★

БЫВАЯ в Москве, Павел Петрович знал «холерический» характер «некоторых» его знакомых. Тех, что начинали волноваться, приходило в дурное настроение, когда гость запаздывает хотя бы на пять минут.

Поэтому Павел Петрович, как-то придя к нам, сказал:

— С запасом на пятнадцать минут раньше пришел, чтобы «миленьких сумасшедших» из тихого помещательства в буйное не возводить.

Предупредительность к людям — за столом, на улице, в трамвае, на собраниях — никогда не изменяла Павлу Петровичу. Не всегда эта предупредительность приносила ему радости. Находились люди, которые ему садились на шею. В этом, наверно, где-то повинен и я. Чего греха таить, выполнял же Павел Петрович такие мои поручения, за которые теперь невыносимо стыдно. Зато его добро к людям пышно цветет светлой памятью и нескончаемой признательностью его друзей и почитателей.

★

В ЧЕРЕДЕ вечеров, проведенных вместе с Павлом Петровичем, вспоминается еще один, похожий на новоселье, в нашей новой квартире в Мерзляковском пере-

4

улке. Я хотел сюрприза для Павла Петровича. Пригласил тех, кого он любил и кто нежно любил его, и с кем в Москве он виделся редко и «накоротке». Это Лев Степанович Шаумян и Елена Юльевна Шаумян, Дмитрий Алексеевич Поликарпов и Антонина Федоровна Поликарпова.

«Гостевания» такого рода, где ужиное застолье, где семейный разговор, женский и мужской, как будто к литературе не имели прямого отношения, между тем очень многие и немаловажные литературные разговоры, обмен мнениями, творческими замыслами, критическими суждениями происходили и на таких семейных встречах.

Таким и был этот, кажется, последний вечер в таком приятном для Павла Петровича обществе Поликарповых и Шаумянов. Никто и не думал тогда, что для всех нас, московских друзей Бажова, декабрь 1950 года будет траурным, хотя и...

Хотя и здоровье Бажова уже не было многообещающим, но все же позволяющим ему и нам говорить о его 57-м сказе, о 58-м, 59-м и провозглашать здравицу за 100-й сказ, в который верилось и не могло не вериться людям, убежденным, что «старое дерево, хотя и надсадно скрипит, но долго живет». А оно вскоре отцвело. Отцвело, перейдя во второе неувыдаемое цветение в Москве, на Урале, во всей стране... В странах дальних и близких. На всех языках мира...

★

О том, как работал и жил Павел Петрович, я рассказываю в мемуарах о нем, которые можно прочитать в этом году на страницах журнала «Москва».